

УДК 792.01

Сценические тренинги (на примере репетиций белорусской актрисы в Ливане)

© Ганум Е. Н.

Национальный академический драматический театр имени Якуба Коласа, Витебск

Статья посвящена проблеме межкультурных связей в современном мире, а также проблемам адаптации личности в другой культуре через сценическое искусство. Автор делится собственным психологическим опытом преодоления культурного шока, проводит анализ методики приобщения любителей театра к профессиональным способам сценической деятельности. Рассматривается система тренингов как подготовительного периода перед репетициями конкретного спектакля, а также исследуется психологическое состояние актера-профессионала в ситуации, где режиссер снимает профессиональные штампы. В этом смысле автор статьи пользуется методом изложения материала по аналогии с дневниковыми записями К. С. Станиславского, ставшими, как известно, основными документами изучения его театральной системы. Автор статьи является также постановщиком нескольких спектаклей с ливанскими детьми. В иллюстрациях представлены фотоснимки из этих сценических постановок.

Ключевые слова: театр, театральная педагогика, метод сценических действий, система Станиславского.

(Искусство и культура. — 2012. — № 1(5). — С. 117-123)

Stage trainings (on the example of a Belarussian actress's rehearsals in the Lebanon)

© Ganum E. N.

National Academic Yakub Kolas Drama Theater, Vitebsk

The article is devoted to the issue of crosscultural links in modern world as well as the problems of the adaptation of the personality in a different culture through theatrical art. The author shares her own psychological experience of overcoming cultural shock. The article presents analysis of the methods of introducing theater lovers to professional ways of theatrical art. A system of trainings is considered as preparational period before rehearsals of a definite performance. Psychological state of the professional actor in the situation, where the director lifts all professional cliches, is considered. Considering this the author uses the method of presenting the material on analogy with the diary notes by K.S.Stanislavsky, which, as is known, became basic documents of studying his theater system. The author of the article is also the director of some performances with Lebanese children. The illustrations present photos of these theatrical performances.

Key words: theater, theater education, method of stage acts, Stanislavsky system.

(Art and Culture. — 2012. — № 1(5). — P. 117-123)

В современном мире в условиях глобализации социально-экономических и обще-ственно-политических процессов проблема межкультурных связей остается актуальной. Адаптация личности в новом культурном пространстве может происходить через различные виды искусства. В связи с этим целью статьи является осмысление творчества как условия социокультурной адаптации в чужой цивилизации и выявление методик сценической репетиции в инокультурной сценической деятельности.

...На небольшой территории, занимаемой Ливаном, имеется огромное количество памятников древних цивилизаций – финикийской, греческой, римской и турецкой. Ливан – страна, где много солнца и свободы. Известный египетский политик как-то сказал, что это не страна и не государство – это феномен. Зимой здесь можно в горах кататься на лыжах, затем за полчаса спуститься на побережье и искупаться в море, температура воды в котором не опускается ниже 19 градусов тепла. А горы – это некая вели-

Адрес для корреспонденции: 210026, г. Витебск, ул. Замковая, д. 2, Национальный академический драматический театр имени Якуба Коласа – **Е. Н. Ганум**

кая загадка, хранящая в себе могущественную силу, возносящую человека к высоте в прямом и переносном смысле. Там мысли приходят иные, там общение не засорено, там можно общаться с бесконечностью, и создается ощущение, что общение там не горизонтальное, а только вертикальное!

Один город Баальбек чего стоит. Говорить о Баальбеке и гигантских развалинах его храмов – все равно, что писать о египетских пирамидах. Император Август в 16 г. до н. э. расселил в Ливане самых преданных ветеранов 5-го Македонского и 8-го Галльского легионов, тем самым подчеркнул стратегическую важность этого города. Чтобы ублажить своих ветеранов и подчеркнуть могущество римских богов, Август решил построить несколько больших храмов, посвященных Юпитеру, Венере и Бахусу, на что ушло 2 столетия.

На ливанской земле растет кедр, который несколько раз упоминается в Библии. Но не только это дало основание назвать его библейским деревом – ведь кедр, поставляемый тирским царем Хирамом иудейскому царю Соломону, использовался при строительстве храма на горе Мория, из него делали саркофаги египетских фараонов, перекрытия и двери в христианских церквях.

Я провела в Ливане 8 лет. Это – место, где свой ритм жизни и свои правила игры. Вспоминаю свою первую поездку... Лето 2003 года. Самолет. Рейс Минск–Бейрут. Мой муж, тогда еще совсем юный ливанский студент Витебского государственного медицинского института, вез нас с сыном в Ливан, чтобы познакомиться со своей родиной и родственниками. С самого начала наших отношений я была честно поставлена в известность о том, что свое будущее после окончания института он намерен строить в Ливане. Всегда, когда я думала об этом, сознательно я понимала все происходящее, но подсознательно готовилась к будущим испытаниям. В это время я уже училась в БАИ (Белорусская академия искусств) и была актрисой театра имени Якуба Коласа.

Самым страшным и запоминающимся событием была война 2006 года с Израилем. К тому времени сын жил уже в Ливане. Мы с мужем еще находились в Беларуси – он заканчивал учебу, я продолжала работать в театре им. Якуба Коласа. И вот настало время, и мы уезжаем из Беларуси. В 2009 году я сно-

ва уезжаю в Ливан и ставлю на театральном прошлом большую точку...

Первые шаги в условиях восточной культуры. По приезду в Ливан я сразу иду на курсы английского языка. На одном из занятий, где наша группа проходила тему «Моя профессия», мне пришлось вспомнить свое профессиональное «Я». Странно замерло все внутри. Я не хотела говорить, кто я по профессии или думала придумать какую-нибудь еще, тем более, что знала, сколько удивления, сочувствия и вопросов это вызовет и что одним из первых вопросов будет: «А что ты тогда здесь делаешь?». Мысли о том, что я смогу еще выйти на сцену, оставили меня. Я смирилась. Не хотелось будоражить прошлое. Но когда меня спросили о профессии, что-то изнутри как будто вытолкнуло из меня это слово – АКТРИСА. Одногоруппники сразу же попросили принести фотографии и рассказать о белорусском театре. Преподаватель мадам Рула с сочувствующим выражением лица смотрела на меня. Одно из занятий мы посвятили рассказам о Белорусском театре.

Так как на занятиях я была единственная русская в группе, которая учила английский язык на арабском, недостаточно хорошо зная его, то занятия довольно-таки часто проходили очень забавно! Порой, чтобы понять какое-нибудь слово или задание, мне нужно было прибегать к пантомиме или же разыгрывать чуть ли не спектакль. Мое прошлое воскресло. Я почувствовала, что моя профессия и есть моя опора, тот внутренний стержень, который держит меня. И пришло полное осознание того, что где бы я ни была и чем бы ни занималась, я всегда буду АКТРИСОЙ.

Однажды после окончания занятий мадам Рула повезла меня в известный в нашем городе культурный центр «Сафади». В этом центре есть хорошая библиотека, выставочный зал, где выставляются местные художники и ремесленники, уютный зрительный зал, где выступают музыканты и приезжие артисты. Там мы заполнили анкету с моими данными, после чего мне стали приходить смс-сообщения на телефон обо всем, что происходило в культурном центре «Сафади».

И вот в один из вечеров мне приходит смс-сообщение, что через час в культурном центре состоится конференция, посвященная Ливанскому театру и кино! Я всем своим нутром почувствовала, что мне во что

бы то ни стало надо попасть туда. На улице шел сильный дождь, был страшный ураган. Времени оставалось очень мало. Я с невероятным усилием «гипнотизирую» мужа, чтобы вытащить его из дома и отправиться на эту конференцию. Мы спустились к машине, но даже до нее было не дойти – такой был ливень. Стоим в подъезде. А дальше вот что происходит. Он говорит, что никуда не поедет в такую погоду. И вдруг вылетело у меня: «Я тучи разгону руками!». Внезапно дождь успокоился, и муж странно посмотрел на меня. Мы сели в машину и поехали, а как только доехали до места назначения, снова пошел ливень.

На конференции собралась ливанская интеллигенция. Говорили об успехах и проблемах ливанского театра и кино. В общем, вспоминали прошлое, обсуждали настоящее, надеялись на будущее...

Определяющие позиции сценической культуры Ливана. В 1948 году на суд зрителей была представлена первая арабская комедия, написанная ливанцем. Это было рождение ливанского театра. Но настоящему театр стал популярен в 1960-е годы. Несмотря на долгую войну ливанский театр продолжал свою работу. Мунир Абу Дебс основал первую театральную школу в Ливане. Можно отметить, что на ливанский театр наложил отпечаток театр армянский. Театры в Ливане частные и не имеют финансовой поддержки государства. Пьесы исполняются на арабском, французском и английском языках, однако лишь спектакли на арабском языке пользуются широкой популярностью. Театральные коллективы, как правило, группируются вокруг известного режиссера или актера и после постановки одной пьесы чаще всего распадаются.

Одним из немногочисленных людей, творивших на севере Ливана, в городе Триполи, был Шарбель Нуайме – актер кино, когда-то имевший большую популярность в Ливане. На этой конференции и произошло наше с ним знакомство. Узнав, что я русская актриса (уточнение: всех женщин со славянской внешностью называют в Ливане русскими, а объяснить, что Беларусь и Россия – два разных государства, порой бывает очень сложно), он сказал: «Уау! Станиславский!!!». Это «Уау!» ввело меня в небольшой ступор. «И здесь Константина Сергеевича знают!» – подумала я.

Имя Константина Сергеевича Станислав-

ского сработало как код! Станиславский открыл ту заветную дверь, за которой была жизнь. Открылись энергетические каналы, по которым проходит жизненная энергия, ждавшая своего освобождения.

На своем арабском я сказала, что хотела бы работать актрисой в Ливане и что это желание, по-моему, сложно осуществить.

– Ничего нет сложного! – сказал он. – Приходите ко мне завтра на репетицию в Дом искусств «Бэт-ль-фан» и увидите, сложно Вам это или нет?

Неподалеку от набережной, на одной из запутанных, узких трипольских улиц находится Дом искусств «Бэт-ль-фан». Прохожий, не знавший о существовании этого дома, никогда бы не заподозрил даже, что за серыми каменными стенами скрывается архитектурное чудо.

Внутри – музей, в котором хранятся археологические находки византийской эпохи (в том числе прекрасная коллекция хорошо сохранившейся мозаики), а также одежда, украшения и оружие феодальных времен. Правда, эти экспонаты впечатляют гораздо меньше, чем архитектура самого дома искусств с его кружевными стенами и массивными воротами.

«Бэт-ль-фан» принадлежит премьер-министру Ливана Наджибу Микати. Найти там кого-то, кроме директора, его сыновей, выполняющих там всевозможные работы, и работницы Науэль, было сложно. Постоянного творческого коллектива в «Бэт-ль-фан» не было. Но с большим гостеприимством и теплотой принимали всех творческих людей, желающих реализовать свои творческие проекты.

Шарбель Нуайме относится к числу этих людей. Шла репетиция. На сцене работали все его актеры. Они пели, громко говорили и топали ногами. Это был ужас. «Неужели так еще в мире играют? – подумала я. – И у них это называется театром?». На сцене работали актеры разных возрастов. Кто-то из них обладал хорошими вокальными данными, кто-то хорошо двигался, кто-то был просто красив, а кто-то уродлив и смешон. И, опираясь исключительно на эти данные, была рассчитана эта работа. Было видно невооруженным взглядом, что элементарных знаний основ актерского мастерства им не хватало.

Мне так захотелось закрыть глаза! Обмануть себя, сослаться на первую репетицию,

стиль, особенности ливанского театра. Мне не хотелось верить, что то, что подарило мне надежду, оказалось таким безнадежным. Шарбель почувствовал мою реакцию и сказал, оправдываясь, что это первые репетиции. И предложил прийти еще. Я пришла, наверное, чтобы еще раз убедиться в безнадежности всей ситуации и спокойно уйти. Но не тут-то было! Он резко остановил репетицию и начал знакомить меня со всеми актерами, после чего попросил подняться на сцену. И я пошла...

«Можете ли Вы себя представить в предлагаемых обстоятельствах и показать нам это? – спросил он. – Вы русская, не знающая арабского языка, оказавшаяся одна в ливанской деревне».

Репетиции с ливанскими актерами-любителями. На сцене со мной осталась еще одна девушка. Мы начинаем импровизировать. Наши зрители замерли, среди них был мой муж. Первый раз в своей жизни он присутствовал на моей репетиции. И для него, как и для всех присутствующих в зале, увидеть меня такой было большой неожиданностью. Я чувствовала его настороженный взгляд и какую-то нервную улыбку. Но какая-то сила сделала его просто зрителем, а меня актрисой. Я вдруг поняла, что первый раз в своей жизни стою на ливанской сцене. Ощутила ее! Вспомнила магические свойства сцены и забыла обо всем. Я потеряла чувство времени, забыла, где я и как меня зовут. И улетела на родину, где были со мной мои зрители, друзья, родные. Их никто не видел, кроме меня, но они словно говорили: «Лена, родину позорить нельзя!».

Этюд длился около 15 минут, и никто не собирался его останавливать, если бы не охранник, прибежавший в ужасе, спрашивая, не случилось ли чего? На что Шарбель с улыбкой ответил: «Русская репетирует!». В зале повисла тишина. Муж вжался в кресло и ждал реакции присутствующих в зале. «Браво!» – и аплодисменты услышала я, спускаясь со сцены.

Вдруг Шарбель мне предложил еще раз подняться на сцену, но только с молодым человеком, и представить себя в таких же предлагаемых обстоятельствах. Начинаем, и вдруг молодой мужчина начинает безумно смущаться. Этюд не тронулся с места. Только потом я поняла, в чем дело. Ему было очень тяжело даже смотреть на меня в присутствии мужа. (Восточные мужчи-

ны, независимо от вероисповедания, воспитаны на колоссальном чувстве терпения, сдержанности и уважительного отношения к женщине. При встрече с малознакомой женщиной мужчина максимум, что может позволить, – легкое рукопожатие, едва прикоснувшись кончиками пальцев. Восточный мужчина никогда даже не присядет с малознакомой женщиной).

Как говорят, актриса на сцене не женщина, и актер на сцене не мужчина. Но – перед ним стояла белокожая женщина с голубыми глазами, а на Востоке это способно нейтрализовать даже хорошо подготовленную армию солдат.

Закончилось все тем, что Шарбель написал для меня роль и настоял на дальнейшем сотрудничестве. Он говорил, что мои знания и школа нужны им. Подумав, я решила, что и их знания тоже нужны мне. Каждый вечер мы собирались в «Бат-ль-фане». Так я совершенствовала свои знания арабского языка, учила профессиональные выражения, например, как звучат слова «мизансцена» или «софит». Удивительно было то, как люди, разговаривавшие на разных языках, при этом говорили на одном. Мне было интересно все! И в то же время ливанские актеры учились распознавать себя на сцене, выстраивать сцену, искать в ней смысл, а не бездумно топтать ногами и кричать. Раньше они могли прийти на репетицию без репетиционной одежды, а со временем приобрели трэсы и чешки. Если раньше опаздывали, то сейчас спешили на репетицию. Кто-то уходил, понимая, что к происходящим переменам он не готов, а оставшиеся перестали относиться к театру как к хобби.

Вот что следует заметить: в Ливане очень интересное отношение народа к людям творческих профессий. Ливанцы воспринимают их род деятельности как хобби. Вот, например, захотелось им сегодня «в театр поиграть», а завтра песни попеть или картину нарисовать и т. д. Владея на высшем уровне своим делом, они относятся к нему с потрясающим чувством свободы. Они не торопятся за результатом и обладают особым чувством траты времени, что присуще истинным аристократам.

Мы репетировали 4 месяца. Был поставлен спектакль «Финикийцы» о финикийской письменности. Спектакль был показан на сцене «Бэт-ль-фан» и на школьных сценах города Триполи. Спектакль шел, звуча-

ли аплодисменты, в доме у меня стояли цветы, в кармане были первые заработанные деньги.

Прошло время, и наша работа израсходовала себя. Мы разошлись кто куда. Позже я ребят встречала, кого в кафе в роли официанта, кого продавцом в музыкальном магазине, но все вспоминали то время и ждали новых творческих проектов. Я благодарна этим ребятам за то, как бережно они ко мне относились, и за неожиданно сымпровизированный обмен опытом. Благодарна Шарбелю Науэйми за слова «Нет ничего сложного! Приходите завтра!..».

Самостоятельные проекты. К этому времени дорогу в «Бэт-ль-фан» я уже знала и могла самостоятельно передвигаться по городу, а это на Востоке для славянской женщины очень непросто и не всегда доступно. За время репетиций с Шарбелем ко мне неоднократно подходил директор и настойчиво просил о создании какого-нибудь своего проекта. Мне было сказано так: «Мадам Елена, вот Вам сцена, за аренду платить не надо, наш дом – Ваш дом, живите здесь хоть 24 часа в сутки, хотите – пойте, танцуйте, разговаривайте со стенами, делайте что хотите, но только сделайте что-нибудь. Если хотите, для начала – для своих русских!».

Так спустя некоторое время началась моя сказка, которую увидел не только русский, но и арабский зритель в декабре 2010 года. Называлась она «Нам нужен снег!».

Я узнаю, что в нашем городе русскоязычные женщины сами ставят так называемые спектакли для своих детей, они узнают в то же время обо мне. Мы встречаемся, знакомимся. И если изначально мое знакомство с ними заключало в себе только искреннюю помощь, то после оно переросло в искреннюю дружбу и, могу сказать с полной уверенностью, – в профессиональные отношения.

Изначально была просто моя подсказка в их работе. Вдруг у них возникает предложение ко мне – участвовать вместе с ними в их спектакле, но я им предлагаю участвовать в моем спектакле! Но при этом им предстоит ряд тренингов по сцене речи, актерскому мастерству и усиленная работа над собой. Они несмело соглашались. Занятия начинаются в «Бэт-ль-фане». Ко мне присматриваются, наблюдают, некоторые вообще не понимают, чего я хочу от них. Мир театра им был незнаком...

На протяжении 8 месяцев мы собирались и неустанно занимались. Со временем я почувствовала, что мне доверились. И как это доверие дорого стоит! И, если актер еще как-то может принять неудачу режиссера, то в данном случае неудача могла стать чем-то разрушительным и губительным. Тренинги перешли в репетиции. На сцене я уже не видела врачей, инженеров, педагогов, психологов, а видела хорошо подготовленную команду, готовую к творчеству. Видела людей, которые пошли вперед. Неизвестный мир открывался, манил, дарил радость встреч, мы уходили от внешнего мира и создавали в нем свой. Вспоминаю один из тренингов: сидим на сцене, создав круг, вдруг гаснет свет, я сразу же предлагаю им мысленно переместиться, каждый на свою родину (а мы были из Беларуси, России, Украины, Казахстана) и перенести ее сюда.

Позже к нам присоединились маленькие актеры, которых я набрала при «Международной благотворительной организации русскоговорящих женщин Ливана» и которым преподавала актерское мастерство. Среди них был мой сын Юссеф. Что такое театр, он знал по моим рассказам и что-то вспоминал из репетиций на сцене театра Якуба Коласа. Он уехал из Витебска, когда ему было 4,5 года. О том, что он будет когда-нибудь в своей жизни стоять на сцене, я и не мечтала.

Я готова была быть режиссером, художником по костюмам, по гриму и свету и т. д., но только не актрисой. Нужно было создать атмосферу. Это главное! Атмосферу, которую излучали бы сами актеры. Мне помогло то, что удалось угадать каждого отдельного человека и адекватно назначить на роль. И не столь важным становилось то, какой у кого был уровень работы на сцене, главное было то, что все оказались на своих местах. Была атмосфера, которая погружала в себя зрителя и держала его. Взрослым было интересно не менее, чем детям. Важно, что взрослые и дети унесли сказку с собой! Может, тепло и радость, с которыми эта атмосфера создавалась, укутуют их, как теплым одеялом, в холод! Это все то, что дает человеку театр. Спектакль ждали, и он состоялся на русском и арабском языках на сцене «Бэт-ль-фан».

Весной фрагмент этого спектакля был показан в концертной программе, организованной Ассоциацией русскоговорящих женщин Ливана «Родина» на сцене дворца

ЮНЕСКО в Бейруте. Вырученные от этого мероприятия средства были отданы домам престарелых в Ливане. Я видела, актеры светились! Сейчас профессиональная группа при «Бэт-ль-фане» готовит новую постановку, планируются показы на сцене РЦК (Русский культурный центр) в Бейруте.

Не могу не вспомнить молодого кинорежиссера Лидию Каббара и нашу совместную работу в ее студенческом проекте, задачей которого было исследование роли звука в кинематографе. А также хочу рассказать о талантливой пианистке из Украины Татьяне Примак-Хури. Я предложила ей подготовить проект, который бы объединял в себе мастерство пианистки из Украины и актрисы из Беларуси. На помощь нам приходят ее муж Талаль Держани, ливанский композитор, Кутав Хури и режиссер-педагог кафедры режиссуры и актерского мастерства Ливанского университета в Бейруте, закончивший учебу по своей специальности в Украине и проходивший в свое время стажировку у режиссера А. А. Гончарова. Талаль Держани поставил в Ливане рассказ Ф. М. Достоевского «Сон смешного человека» и А. С. Пушкина «Барышня-крестьянка», что не могло не вызвать восхищения. Живя и работая в Бейруте, он каждую неделю приезжал к нам. Мы сразу начинали работу с разбора материала. Материалом для творческих поисков стало произведение Пауло Коэльо «Ведьма из Портобелло». Эта история загадочной молодой женщины, которая родилась в Румынии, воспитывалась в Бейруте, жила в Лондоне. Произведение о любви, страсти, радости и жертвенности: «Никто не зажигает свечу, чтобы тайть ее за дверью, ибо свет затем и существует, чтобы светить, открывать людям глаза, какие вокруг чудеса. Никто не приносит в жертву свое величайшее сокровище, имя которому – любовь. Никто не веряет свои мечты в руки тех, кто способен их уничтожить. Только...».

Методики сценического существования в обнаружении правды актерского Я. Репетиции не были ограничены во времени, они периодически прекращались или заходили в тупик и вновь продолжались. Режиссер Талаль требовал искренности и правды сценического существования. Он работал, как хирург, иногда мне казалось, что меня вытаскивают из меня самой, а я этому активно сопротивляюсь. Бывало, что создаст такую ситуацию, от которой напрягаешься

так, что, кажется, все внутри вывернется наизнанку, но действие будет найдено. Работал мастер высокого уровня и доставал из глубины подсознания такое, о чем я даже не подозревала. От чего меня кидало в жар и казалось, будто я девочка, которая пришла поступать в театральное заведение, не имея никакого представления о театре. Казалось, что делаю какой-то бред, и мои руки не слушаются меня, и ноги идут не туда. Пытаюсь несвязно о чем-то говорить и скрыться за тем, что уже умела делать: хорошо смеяться, плакать и т. д. Но «НЕ ПРАВДА!» – кричал он, как К. С. Станиславский из зала своим актерам: «НЕ ВЕРЮ!».

Я сидела на сцене «Бэт-ль-фана», как на алтаре, и кто-то усиленно тащил из меня ответы на такие вопросы, на которые, как мне казалось, я давно ответила. И понимала, что честно не отвечала на них никогда! Бежала, обманывала, пряталась за что-то, только в этом не было правды.

Первым из таких вопросов было: что такое женщина? В это время доносился звон колоколов, мулла звал на молитву, а мне нужно было во что бы то ни стало ответить на этот вопрос. Мне казалось, что вокруг меня одни горы, я напоминала себе какую-то монашенку в келье. Я понимала, что человек тратит время, приезжает, а я не могу ответить на самый элементарный вопрос, но спешить и обманывать я тоже не собиралась. Он сидел, никуда не спеша, терпеливо ждал. Это все напоминало мне исповедь. Он вытащил что-то такое, после чего я почувствовала некое перерождение. Я рыдала больше часа. «А теперь рассказывай о себе! – настойчиво сказал он. – Вспоминай все с самого рождения!». Я рассказывала о своей жизни, плакала и рассказывала дальше. Чем ввела его в состояние шока. А после он тихо сказал: «А теперь это правда...». Для меня же открылся мой истинный мир во мне. Я могла купаться в нем, нырять, прыгать, бегать, стоять на месте, делать все, что я захочу. Я понимала, что никогда в своей жизни не была так честна сама с собой. Я понимала, какая возможность была предоставлена мне: сказать совсем малознакомому человеку правду и не бояться быть смешной, некрасивой, непонятой, зная, что за это мне ничего не будет. «Пиши свою историю... Пауло остается ждать!». Работа продолжалась.

Постепенно Татьяна присоединялась к нашим репетициям, и ее, как человека, мало

знающего театральный мир, все происходящее восхищало.

Заключение. Сценическая работа в условиях восточной традиции и отсутствия театра в европейском смысле представляет собой существенное испытание, творческое, профессиональное и психологическое. Адаптация к иной культуре требует терпения и веры в успех, а также умения находить общие задачи. Одной из первых позиций является поиск единомышленников среди людей близкой культурной традиции и определение общих целей с представителями той культуры, в пространстве которой оказался человек. Только общий ин-

терес позволяет понять параметры чужой социокультурной среды, а совместное творчество – адаптироваться к ней.

Сценическое искусство, как никакое иное, позволяет найти общий язык в подобной среде. Методики К. С. Станиславского как основы отечественного театра XX в. являются актуальными для становления театра на Ближнем Востоке. В ядре таких методик находится реализация очищения актера от свойственных ему штампов в представлении о себе, о своей профессии и о своих возможностях.

Поступила в редакцию 08.11.2011 г.

Репозиторий ВГУ